

О славянахъ въ Италиі *).

Я, кажется, не ошибусь, предположивъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ васъ задавались вопросомъ, какими это «славянами въ Италиі» я намѣренъ утруждать ваше вниманіе.

Будутъ ли это путешественники, или же эмигранты, принадлежаціе тому или другому славянскому племени и разсѣянные по разнымъ странамъ Западной Европы, въ томъ числѣ также по Италиі? Или, быть можетъ, я поставилъ себѣ задачей, на основаніи историческихъ данныхъ, отыскивать древнія поселенія славянъ на Апеннинскомъ полуостровѣ,—поселенія, замѣнившія въ послѣдствіи свой славянский языкъ языкомъ ихъ романскихъ или итальянскихъ сосѣдей? Или же, наконецъ, мнѣ, можетъ быть, захотѣлось доказать, что сами итальянцы есть ничто иное, какъ особаго рода славяне, забывшіе только о своемъ славянизмѣ?

Да, въ самомъ дѣлѣ, не мѣшало бы объ этомъ подумать. Задача крайне благодарная. Вѣдь, чуть ли не всѣ народы бывали уже переименовываемы въ славянъ или же укоряемы въ измѣнѣ славянскому знамени. Древніе скины, этруски, финиціане Карфагена, лиды, кары Малой Азіи, сарматы, скифы, кельты, иберійцы и т. д., и т. д., всѣ уже перебивали въ славянахъ, на основаніи глубокомысленныхъ соображеній, извлекаемыхъ будто бы изъ разсмотрѣнія ихъ языка. *Гдѣ гора, тамъ славяне, гдѣ рѣка, тамъ славяне*, какъ своеобразно-мѣтко выразился одинъ изъ приверженцевъ этого всеобъемлющаго славянизма.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, когда осуществляются мечты астрономическихъ фантазеровъ и мы будемъ въ состояніи сношаться съ жителями Марса и другихъ планетъ, то эти инопланетные жители окажутся какими-нибудь забытыми славянами, а въ пересылаемыхъ намъ ими знакахъ будутъ усмотрѣны мнѣшескія «славянскія руны».

Такъ не поставимъ ли и мы себѣ подобной задачи—возсоединенія... ну, хоть, положимъ, девяти десятыхъ итальянцевъ съ великою славянскою семьей?

*) Публичная лекція, читанная въ пользу голодающихъ 14 марта 1892 г. въ актовомъ залѣ Дерптскаго университета.

Я убѣжденъ, что гдѣ-нибудь и когда-нибудь найдутся охотники до подобнаго спорта, и желаю имъ полного успѣха. Самъ же я вовсе не намѣренъ стать въ ихъ ряды, хотя бы по той простой причинѣ, что въ этомъ насильномъ отыскиваніи потомковъ славянъ у каждой горы, у каждой рѣки я вижу проявленіе своеобразной умственной болѣзни, сопровождаемой обыкновенно или волчьимъ аппетитомъ, или же безвредною плаксивостью съ цѣлью разжалобить чувствительныя сердца и заставить ихъ проливать слезы надъ могилами славянскихъ страдальцевъ. Во всякомъ же случаѣ эта *Slavomania* есть умственная болѣзнь, есть психоза, и, стало быть, сама по себѣ можетъ составлять предметъ изученія со стороны психіатровъ, но ничуть не можетъ быть основаніемъ для изученія этнографическихъ вопросовъ.

Оставимъ поэтому инопланетныхъ жителей и разныя измышленія пылкой фантазіи сантиментальныхъ славянолюбцевъ и сойдемъ на землю, на положительно данную и объективно описываемую землю, и посмотримъ, нѣтъ ли въ той ея части, которая называется Италией, настоящихъ славянъ, славянъ не искусственныхъ, не вымышленныхъ, но дѣйствительныхъ.

Конечно, это могли бы быть славяне только съ точки зрѣнія прошлаго, т.-е. въ наше время только потомки людей, говорившихъ когда-то на славянскомъ языкѣ. Описаніе *такихъ* славянъ было бы дѣломъ исторіи или же *исторической* этнографіи. Мы же хотимъ держаться въ предѣлахъ этнографіи,—этнографіи не прошлаго и не будущаго, а настоящаго, т.-е. этнографіи, занимающейся изученіемъ того, что существуетъ въ настоящее время.

Стало быть, если я говорю о славянахъ въ Италиі, то эти славяне должны въ ней существовать въ наше время, они должны теперь, въ наши дни, говорить по-славянски и даже, если они достигли извѣстной степени умственнаго развитія, сознавать эту свою принадлежность къ славянскому племени.

Въ двухъ географически другъ отъ друга отдѣленныхъ мѣстахъ Италиі живутъ теперь славяне, а именно: въ *южной Италиі* и въ *сѣверной Италиі*. Первые изъ нихъ, т.-е. славяне южной Италиі, составляютъ совершенно изолированную, совершенно обособленную колонию, окруженную со всѣхъ сторонъ иноплеменниками. Между тѣмъ, славяне сѣверной Италиі являются географически непосредственнымъ продолженіемъ зарубежныхъ славянъ, славянъ въ настоящее время австрійскихъ.

Это географическое раздѣленіе двухъ группъ итальянскихъ славянъ совпадаетъ также съ моимъ личнымъ отношеніемъ къ нимъ. Тѣхъ, южныхъ, я самолично не посѣщалъ и знаю ихъ только по описаніямъ другихъ исследователей. Между этими же, т.-е. между славянами сѣверной Италиі, я пробылъ довольно продолжительное время и ознакомился съ ихъ языкомъ и бытомъ на основаніи собственнаго наблюденія.

Нельзя съ полною достовѣрностью сказать, когда впервые появились въ южной Италіи предки живущихъ тамъ теперь славянъ. Скорѣе всего турецкіе набѣги на Далмацію въ началѣ XVI-го вѣка заставили извѣстную часть далматинскихъ славянъ искать убѣжища на противоположномъ берегу Адриатическаго моря.

Въ настоящее время существуютъ еще три славянскія деревни въ южной Италіи, а именно: *Acquaviva Collecroce* (по-славянски: *Voda Živa* или *Кручь*), *San Felice Slavo* и *Montemitro*, всѣ неподалеку отъ Адриатическаго моря и отъ городовъ *Termoli* и *Larino*, въ округѣ (*citcondario*) *Larino*, въ графствѣ или провинціи *Molise* или *Campobasso* (съ главнымъ городомъ *Campobasso*), въ предѣлахъ бывшаго Неаполитанскаго королевства. Ближайшая, значащаяся на обыкновенныхъ географическихъ картахъ, рѣка—*Biferno*.

Сберегая время для разсказа о лучше мнѣ извѣстныхъ и имѣющихъ гораздо болѣе значенія славянахъ въ сѣверной Италіи, я не стану распространяться ни о языкѣ молизскихъ славянъ, ни о ихъ обычаяхъ, ни о ихъ народной поэзіи.

Замѣчу только, во-первыхъ, что въ настоящее время людей, говорящихъ по-славянски, въ названныхъ трехъ деревняхъ числится около 5,000, но что, кромѣ того, въ другихъ мѣстностяхъ, бывшихъ тамъ раньше славянскими и затѣмъ обитальнявившихся, насчитываютъ около 20,000 потомковъ славянъ, выселившихся въ Италію съ противоположнаго берега Адриатическаго моря.

По славянскому матеріалу своего языка, теперешніе славяне южной Италіи принадлежать къ западной области сербо-хорватскихъ говоровъ. Но языкъ этотъ до такой степени переродился подъ вліяніемъ ближайшаго говора итальянскаго, что его никакъ нельзя считать языкомъ по существу славянскимъ, а, напротивъ того, слѣдуетъ признать въ немъ продуктъ взаимнаго смѣшенія, смѣшенія болѣе или менѣе равносильнаго, двухъ языковъ.

Кромѣ того, всѣ эти славяне говорятъ тоже по-итальянски, такъ что они являются индивидами, по крайней мѣрѣ, двухъ-язычными. Вслѣдствіе этой двухъ-язычности и въ виду слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ, а именно, во-первыхъ, малочисленности молизскихъ славянъ, во-вторыхъ же, ихъ полнѣйшаго обособленія отъ другихъ единоплеменниковъ,—скоро, вѣроятно, настанетъ время, когда и жители этихъ трехъ, оставшихся еще полуславянскими деревень забудутъ свой славянскій языкъ и останутся при одномъ только итальянскомъ мѣстномъ говорѣ, усвоивая себѣ, сверхъ того, путемъ школы и военной службы, литературный итальянскій языкъ.

Двухъ-язычность жителей *San Felice Slavo*, *Acquaviva Collecroce* и *Montemitro* поддерживается пока свойственною почти всѣмъ славянамъ легкостью изученія другихъ языковъ. Сохраняемый этимъ полуславянскимъ населеніемъ его славянскій языкъ облегчаетъ ему какъ будто усвоеніе себѣ не только итальянскаго, но также и албанскаго, которымъ оно поль-

зуется въ сношеніяхъ съ сосѣдними албанскими колоніями южной Италіи, между тѣмъ какъ албанцы никогда не выучиваются по-славянски.

Изъ среды этого славянскаго народа въ южной Италіи выходили бойцы за свободу Италіи. Одинъ изъ нихъ, *Nicola Neri*, погибшій на эшафотѣ въ 1799 г. и считаемый однимъ изъ политическихъ мучениковъ, несмотря на свой итальянскій патриотизмъ, не отрекался, тѣмъ не менѣе, отъ своего славянскаго происхожденія, любилъ свою славянскую народность и, появляясь на родинѣ, всегда повторялъ своимъ родственникамъ и землякамъ: «*Nemojte zgubit naš jezik*» (не затрачивайте нашего языка).

Но, все-таки, языку этому нельзя уже предсказывать долговѣчности, а благородныя мечты Де-Рубертиса и другихъ славяно-итальянскихъ патриотовъ о томъ, что на ихъ родинѣ будетъ учреждена школа, въ которой на ряду съ языкомъ Данте можно будетъ изучать также языкъ Гундулича,—эти благородныя мечты такъ и останутся несбыточными мечтами.

Перехожу теперь къ славянамъ сѣверной Италіи. Здѣсь я чувствую себя почти какъ дома. Страну, населенную этими славянами, я исходилъ вкривь и вкосъ во всѣхъ направленіяхъ и посѣтилъ въ ней чуть ли не каждую деревню и деревеньку.

Мое первое появленіе въ этихъ мѣстахъ въ 1873 г. въ качествѣ исследователя народныхъ говоровъ вызвало самыя разнообразныя толки и подозрѣнія,—подозрѣнія, впрочемъ, совершенно безвредныя для моего научнаго предпріятія.

Между прочимъ, солдаты пограничной таможенной стражи были не прочь видѣть во мнѣ контрабандиста, нѣкоторые же изъ нихъ высказывали мѣстнымъ жителямъ предположеніе,—это было мнѣ сообщено впоследствии,—что я переодѣтый священникъ (*un prete travestito*) и папскій агентъ, посланный папою съ цѣлью противуправительственной пропаганды.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ политиковъ догадывались, что я просто военный соглядатай, посланный то Австріей, то Пруссіей, то даже Россіей. Между прочимъ, мнѣ осталось въ памяти одно довольно неприятное приключеніе.

Дѣло происходило въ одной изъ крайнихъ съ западной стороны славянскихъ деревень, въ деревнѣ *F'laipano*, Джемонскаго дистрикта (*distretto di Gemona*). Мѣстный капелланъ, фриуланъ или фурланъ по происхожденію, не понимавшій ни слова по-славянски, принялъ меня весьма радушно и гостеприимно. Позаботился даже о подходящихъ, по его мнѣнію, для моей цѣли разскащикахъ, и мы отправились вмѣстѣ гулять и разговаривать. Остановились на холмѣ, господствующемъ надъ окрестностью. Я развернулъ карту австрійскаго генеральнаго штаба и сталъ спрашивать присутствовавшихъ при этомъ крестьянъ, съ цѣлью провѣрить точность внесенныхъ на карту мѣстныхъ названій. Вдругъ моего капеллана осянула гениальная мысль; онъ обращается къ нашимъ спутникамъ и говоритъ:

— А знаете что? Вѣдь, до франко-прусскаго войны посылались прус-

саками во Францію точно такіе же соглядатаи; они точно такъ же были одѣты, такія же точно у нихъ были сумки, такія же точно карты.

(Удивительная точность свѣдѣній!)

Это съ такою увѣренностью и безперервною откровенностью высказанное замѣчаніе не могло, конечно, не возмутить меня, и я перебилъ почтеннаго оратора:

— Что? что? На какомъ же это основаніи вы позволяете себѣ высказывать подобныя обвиненія?

— Помилуйте, professore, зачѣмъ же вы сердитесь? Noi parliamo academicamente (т.-е. мы говоримъ «академически», ведемъ теоретическій разговоръ).

— Очень вамъ благодаренъ за вашу «академичность», которою вы представляете мнѣ крайне невыгодное свидѣтельство въ глазахъ вашей нации. Да, кстати, чѣмъ же это соглядатаемъ вы меня считаете?

— Конечно, русскимъ. Вѣдь, Россія хочетъ присоединить къ себѣ здѣшнихъ славянъ.

— Какъ же вы можете утверждать подобную нелѣпость (un simile popsenso)? — сказалъ я. — Какое дѣло Россіи до Италиі? Какъ же это Россія можетъ помышлять о войнѣ съ Италией и объ отторженіи итальянскихъ славянъ? Развѣ вы забыли о раздѣляющей Россію и Италію Австрію?

Мой собесѣдникъ этимъ ничуть не смутился и возразилъ:

— Ничего нѣтъ проще: un attacco all' Austria, un' altro all' Italia, e finita la comedia (одно нападеніе на Австрію, другое на Италію—и кончено),— и, обращаясь къ слушателямъ и показывая рукою черту, отдѣляющую славянскія возвышенности отъ фриульской равнины, прибавилъ: — Вотъ гдѣ черезъ два года будетъ граница Россіи!

(Это было въ 1873 г., и мнѣ невольно вспомнилась западная граница «шестой части свѣта»,—граница, простирающаяся отъ Данцига до Триеста).

Поздравивъ глубокомысленнаго политика съ этимъ своеобразнымъ представленіемъ о быстротѣ и стремительности русскихъ нападеній, я, все-таки, просилъ его не навязывать мнѣ нежелательной роли соглядатаи.

— Но зачѣмъ же вы сердитесь, professore? Вы врагъ нашего правительства; я, какъ католическій священникъ, тоже врагъ этого правительства,—стало быть, мы друзья.

— Покорно васъ благодарю за вашу дружбу; но я охотно откажусь отъ нея, равно какъ и отъ вашего радушія и гостепріимства, лишь бы вы мнѣ не мѣшали въ моихъ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Затѣмъ никакія опроверженія не были въ состояніи разубѣдить моего добраго, но тупоголоваго капеллана. И онъ даже, пожалуй, смотрѣлъ на меня дѣйствительно дружелюбно, признавая во мнѣ союзника въ борьбѣ съ ненавидимымъ имъ итальянскимъ правительствомъ, которому онъ желалъ отомстить за воображаемое угнетеніе папскаго престола и католической церкви. Къ счастью, поселяне не повѣрили розказнямъ почтеннаго патера, и даже подшучивали надъ нимъ, когда онъ насъ оставилъ, такъ что я могъ безъ всякихъ затрудненій продолжать свои изслѣдованія.

Я остановился такъ долго на этомъ эпизодѣ, чтобы показать, какимъ непріятностямъ можетъ подвергаться изслѣдователь народнаго языка и быта вслѣдствіе подозрѣній со стороны лицъ, мнящихъ себя умными и проницательными, но, въ сущности, крайне ограниченными.

Впрочемъ, это былъ единственный дѣйствительно непріятный эпизодъ во время моихъ странствованій между славянами сѣверной Италиі. Виновикомъ же этой непріятности былъ вовсе не мѣстный славянинъ, но иноплеменникъ.

Вообще же я вынесъ изъ этихъ краевъ самыя свѣтлыя, самыя пріятныя воспоминанія. Со стороны мѣстныхъ властей я никогда не испытывалъ ни малѣйшаго стѣсненія. Самъ народъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ лучшихъ представителяхъ, отлично понималъ мою цѣль, цѣль изученія народныхъ говоровъ и народной жизни. Нѣкоторые, правда, полагали, что я собираю матеріалы для составленія общеславянскаго языка; но очень многіе были въ состояніи понять также чисто-теоретическую задачу изслѣдованія. Были даже, напримѣръ, въ Резьѣ, энтузіасты, сравнивавшіе меня съ апостолами; только настоящіе апостолы распространяли свѣтъ вѣры, тогда какъ я распространяю—де свѣтъ науки.

Оставивъ же эти края въ 1873 г., я сдѣлался тамъ чуть ли не легендарною личностью. Мнѣ стали приписывать невозможные подвиги, напримѣръ, что я втеченіе нѣсколькихъ часовъ усвоивалъ себѣ прежде неизвѣстный мнѣ говоръ въ такомъ совершенствѣ, что по моему произношенію никакъ нельзя было узнать, что я не туземецъ.

На подобномъ же фонѣ еще въ бытность мою въ Резьянской долині создана легенда, что я вовсе не тотъ, за кого себя выдаю, а просто вернувшійся на родину сынъ одного резьянина, Чека (т.-е. Франциска) Копетти Кюндіи (Čok Kopeti Kündija). Этотъ сынъ былъ австрійскимъ солдатомъ и, вѣроятно, палъ въ сраженіи подъ Кениггрецомъ въ 1866 г.

Это повѣрье о моемъ столь опредѣленномъ разьянизмѣ держалось и вслѣдствіи очень упорно, и когда я лѣтомъ 1890 г. опять появился въ Резьѣ, нѣсколько женщинъ прибѣжало къ старику Кюндіи съ радостнымъ извѣстіемъ: «Вашъ сынъ пріѣхалъ!»

Хотя я вовсе и не имѣю никакихъ родственниковъ между славянами сѣверной Италиі, но, тѣмъ не менѣе, я до такой степени сжился съ ними, столько времени и труда посвятилъ ихъ изученію, что ихъ край сталъ мнѣ почти второю родиной, и когда въ 1890 г. я опять вѣзжалъ въ Резьянскую долину, я чувствовалъ себя растроганнымъ до глубины души.

Нашелъ же я тамъ тоже много людей мнѣ преданныхъ и искренно любящихъ меня. Одинъ изъ нихъ, мой старинный другъ и первый резьянинъ, съ которымъ мнѣ вообще пришлось встрѣтиться еще лѣтомъ 1872 года, Пьетръ Деленарди Голянда (Pjeri Deleuardi Holanda), прощаясь со мною въ 1890 г., расплакался, обнимая и цѣлуя меня. Его малолѣтній внукъ также плакалъ, а старуха, жена Голянды, сбѣгала въ деревню и купила тамъ чайную ложечку, прося меня принять ее на память, какъ подарокъ для мо-

его маленькаго сына. Старикъ былъ въ то время очень плохъ, и теперь, вѣроятно, его нѣтъ уже въ живыхъ.

Въ виду всѣхъ этихъ сердечныхъ нитей, связывающихъ меня съ этимъ краемъ, позволительно подозрѣвать безпристрастiе моего къ нему отношенiя. Но я надѣюсь быть безпристрастнымъ по мѣрѣ возможности, и вовсе не это меня смущаетъ. При такомъ громадномъ богатствѣ собраннаго мною материала, на чемъ мнѣ остановиться, чтобы не наскучить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать цѣльную и живую картину предмета? Къ сожалѣнiю, я не обладаю вовсе описательными способностями; при свойственномъ же описательнымъ темамъ отсутствiи одной руководящей мысли, опасаясь, что, вмѣсто цѣльной картины, получатся тускляя, случайно на полотно набросанныя пятна.

Славяне сѣверной Италiи живутъ на границѣ съ Австрiей, въ сѣверо-восточномъ углу Итальянскаго королевства. Они занимаютъ Юлiйскiя Альпы и ихъ отлогости на востокъ отъ рѣкъ *Fella* и *Tagliamento*, по теченiю которыхъ идетъ отчасти желѣзная дорога отъ Понтеббь къ Удине.

Этнографическая граница этихъ славянъ и ихъ западныхъ сосѣдей, фурланъ или фриулянъ (особенное романское племя, названное такъ по старинному имени города *Forum Julii* (т.-е. Юлiя Цезаря), теперь *Cividale*, по-славянски *Cedàd* или *Staro Mesto*),—этнографическая граница этихъ славянскихъ и ихъ западныхъ и юго-западныхъ сосѣдей, фриулянъ, совпадаетъ болѣе или менѣе съ географическою границей сначала между Юлiйскими и Карнiйскими Альпами и затѣмъ между горною областью Юлiйскихъ Альпъ и обширною Фриульскою равниною.

Съ административной точки зрѣнiя, славяне сѣверной Италiи живутъ въ слѣдующихъ дистриктахъ (*distretti*) или округахъ провинцiи Удине (*Udine*): *Moggio*, *Gemona*, *Tarcento*, *Cividale* и *San Pietro*. Этотъ послѣднiй дистриктъ — дистриктъ *San Pietro* — населенъ исключительно славянами.

Въ прежнiя времена славянскiя поселенiя простирались гораздо болѣе на западъ. По крайней мѣрѣ, какъ съ восточной, такъ и съ Западной стороны рѣки *Tagliamento* встрѣчается по настоящее время нѣсколько десятковъ мѣстныхъ названiй, вродѣ *Gradisca* (т.-е. *Городище*), *Gradiscutta*, *Belgrado*, *Gorizza*, *Goricizza*, *Lonca*, *Glaunico*, *Virco* (т.-е. *Верхъ*), *Lestizza*, *Sclaunico*, *Pasian Schiavonesco*, *M. del Potocco*,—все названiя несомнѣнно славянскаго происхожденiя. Но наврядъ ли жило тамъ когда-либо сплошное славянское населенiе. Скорѣе это были отдѣльныя колонiи, ассимилированныя впоследствии окружающимъ ихъ фурланскимъ племенемъ.

Когда прибыли сѣверно-итальянскiе славяне на свою теперешнюю родину, совершенно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ, какъ имѣются о славянахъ въ сѣверной Италiи вѣрныя историческiя свѣдѣнiя, они занимали сплошнымъ населенiемъ приблизительно тѣ же земли, которыя и теперь занимаютъ. Такъ, наприм., мостъ св. Квирина (*Ponte di S. Quirino fra Cividale e la Schiavonia*), упоминаемый лонгобардскимъ истори-

комъ VIII столѣтiя, Павломъ Діакономъ, какъ граница между славянами и фриулянами въ окрестностяхъ Чивидале, существуетъ до сихъ поръ и все еще раздѣляетъ эти двѣ народности.

Болѣе или менѣе съ начала среднихъ вѣковъ земли славянъ сѣверной Италiи входили въ составъ Аквилейскаго патриархата, затѣмъ онѣ отошли къ Венеціанской республикѣ, съ ея паденiемъ вошли въ составъ эфемернаго, Наполеономъ созданнаго, королевства Италiи, съ 1815 по 1866 г., вмѣстѣ со всѣмъ Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ (или, по крайней мѣрѣ, съ 1859 г., вмѣстѣ съ венеціанскою половиною этого королевства), принадлежали Австрiи, съ 1866 же года входятъ въ составъ объединеннаго Итальянскаго королевства.

Славяне сѣверной Италiи не составляютъ вовсе одного, одинаго племени.

По языку, который въ вопросахъ этнографiи является рѣшающимъ, они распадаются на четыре группы:

Самую сѣверную часть территорiи занимаютъ *резьяне*, совершенно своеобразное племя, живущее въ долинахъ рѣки *Resza* или *Бьмой* и рѣки *Учъи* (*Učja*, *Uccea*), т.-е. «Волчьей». Они образуютъ отдѣльную волость (*comune*) дистрикта или округа *Moggio*.

Затѣмъ идутъ славяне безъ особаго имени, названные мною *терскими славянами*, т.-е. славянами рѣки *Тера* (*Tër*) или *Торре* (*Torre*). Они принадлежатъ къ той же разновидности *сербо-хорватскаго* племени, которая населяетъ, между прочимъ, южную часть Истрiи и славянскiе острова Адриатическаго моря.

Къ юго-востоку отъ этихъ сербо-хорватовъ встрѣчаемъ этнографически-сильное и самостоятельное племя *недижскихъ* или *свято-петровскихъ славянъ*, т.-е. славянъ рѣки *Недижи* (*Nediža*) или *Натизоне* (*Natisone*), населяющихъ весь дистриктъ *di San Pietro al Natisone* или *San Pietro degli Schiavi*, да, кромѣ того, нѣкоторыя прилегающiя къ этому дистрикту селенiя дистрикта *Cividale*.

Послѣднею, четвертою группою являются здѣсь славяне, названные мною *старогорскими* (*Stara Gora*) или славянами *del Castello del Monte*. Это самая южная группа, къ которой принадлежитъ нѣсколько населенныхъ мѣстностей Чивидальскаго дистрикта. По языку они являются продолженiемъ словинскаго говора горницкихъ (*Gorica*, *Gorizia*) Бердъ (*Brda*, *Coglii*) въ Австрiи.

Но, не говоря уже о другихъ особенностяхъ, даже со стороны языка одни только *резьяне* должны быть, во всякомъ случаѣ, выдѣлены въ совершенно особую, своеобразную группу, тогда какъ три остальныхъ могутъ быть сведены въ одну общую группу, этнографическiй центръ которой составляютъ недижцы или свято-петровцы.

Къ этимъ-то именно славянамъ, т.-е. къ славянамъ трехъ послѣднихъ группъ, и прилагается названiе «славяне» какъ ими самими, такъ и ихъ

западными сосѣдами, сами они называютъ себя *Slovini*, ихъ же западные сосѣды зовутъ ихъ: по-итальянски—*Schiavi*, по-фурлански—*Sclafs*.

Резьянъ же никто не называетъ славянами, ни они сами, ни другіе; хотя, впрочемъ, они вполне сознаютъ свою принадлежность къ славянскому племени.

Названіе *резьянъ* чисто-географическое и не имѣетъ ничего общаго ни съ ихъ этнографическимъ происхожденіемъ, ни съ ихъ этнографическими особенностями. Черезъ населенную ими долину протекаетъ рѣка *Резья* (*Resia*), названная такъ, навѣрное, гораздо раньше прибытія туда славянъ, и, во всякомъ случаѣ, не имѣющая ничего общаго съ славянскимъ языкомъ. Слѣдовательно, резьяне названы такъ на томъ же точно основаніи, на какомъ «петербуржцами» называемъ всѣхъ жителей Петербурга, безъ различія національности.

Названія *Резья*, *резьяне* (*Resia*, *Resiani*), напоминающія своимъ звуковымъ составомъ названія *Russia*, *Russiani* или т. п., дали поводъ къ довольно странному преданію, а именно, что *резьяне* (*Resiani*, *Rovojánwi*) есть собственно *русскіе* (*Russi*, *Rusjánwi*), что предки ихъ прибыли туда изъ Россіи послѣ какой-то войны или же послѣ какого-то переворота.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это преданіе о русскомъ происхожденіи резьянъ возникло очень недавно. Когда знаменитый польскій этнографъ и путешественникъ, графъ Янъ Потоцкій, посѣщалъ Резью въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, объ этомъ «руссицизмѣ» резьянъ ему еще никто не говорилъ. За то одинъ изъ мѣстныхъ ученыхъ, докторъ правъ *Zimolo* въ *Джемонѣ* (*Getona*), утверждалъ тогда, на основаніи будто бы историческихъ документовъ, что резьяне происходятъ отъ какой-то семьи, бывшей вмѣстѣ съ вождемъ гунновъ, Атиллой.

Но вскорѣ послѣ Потоцкаго явились въ Италію русскія войска подъ предводительствомъ Суворова. Нѣкоторые изъ русскихъ солдатъ заходили даже въ Резью, и резьяне понимали кое-что изъ ихъ языка. Да, въ тому же, еще столь близкое сходство названій: *Russia* — *Resia*. Ну, и какой-нибудь изъ мѣстныхъ книжниковъ рѣшилъ: «Вотъ откуда мы! Наши предки прибыли сюда изъ Россіи!»

Въ 1890 году почтовый чиновникъ въ Резьѣ показывалъ мнѣ письмо, адресованное такъ:

«*Типографія Гордонъ,*
Ростовъ на Дону,

—это по-русски, внизу же латинскими буквами:

«*Rossia*».

Отправлено оно было 17 августа (17/VIII) 1890 г. изъ *Voslau* въ Австріи. Австрійскій сортировщикъ, долго не думая, направилъ письмо въ Резью, и, только благодаря моему разъясненію, оно попало куда слѣдуетъ. Изъ этого казуса можно бы вывести заключеніе, впрочемъ, нѣсколько опротивительное, что убѣжденіе въ тождествѣ Россіи и Резьи проникло далеко за предѣлы этой послѣдней.

Но, можетъ быть, дѣйствительно резьяне находятся въ особенно близкомъ родствѣ съ русскими? Можетъ быть, ихъ языкъ есть только одно изъ видоизмѣненій русскаго языка? Нѣтъ и нѣтъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ доказать вамъ это отрицательное положеніе съ помощью лингвистическихъ выводовъ, и я долженъ ограничиться покорнѣйшею просьбой вѣрить мнѣ на слово, причѣмъ могу еще прибавить, что резьяне по языку ближе всего походятъ на другихъ юго-западныхъ славянъ, на сербо-хорватовъ и крайно-словинцевъ, хотя, съ другой стороны, есть въ ихъ языкѣ такія, весьма важныя и существенныя особенности, которыхъ нельзя найти ни въ одномъ другомъ славянскомъ нарѣчьи и которыя могли быть имъ привиты только какимъ-нибудь другимъ племенемъ не-славянской языковой отрасли. На основаніи этихъ особенностей я и позволилъ себѣ считать резьянъ этнографическою смѣсью славянъ съ какимъ-то другимъ племенемъ.

Я распространяюсь о славянахъ въ сѣверной Италіи, точно о какомъ-то особомъ народѣ, и даже не объ одномъ народѣ, но о нѣсколькихъ, — по крайней мѣрѣ, о двухъ народахъ. Можно бы поэтому подумать, что мы имѣемъ дѣло если ужъ не съ милліонами, то, по крайней мѣрѣ, съ сотнями тысячъ населенія. Спрашивается, сколько же дѣйствительно этихъ сѣверно-итальянскихъ славянъ? Ихъ очень немного. Въ 1876 г. ихъ было всего-на-все 30,000 съ небольшимъ. Изъ нихъ резьянъ около 3½ тысячъ; изъ остальныхъ же болѣе 16,000 приходилось на одинъ Свято-Петровскій дистриктъ.

Если всей этой территоріи свойственно столь же быстрое увеличеніе населенія, какъ изученной мною весьма подробно и обстоятельно Резьѣ, то въ настоящее время должно бы быть всѣхъ славянъ въ сѣверной Италіи около 35,000.

Пахотною и вообще полезною землею наши славяне надѣлены далеко не щедро. Для примѣра остановлюсь на Резьѣ, находящейся, впрочемъ, въ этомъ отношеніи въ самомъ плачевномъ состояніи.

Поверхность всей Резьянской волости равняется почти 120 квадратнымъ километрамъ, т.-е. почти 11,000 десятинъ. Но изъ нихъ около 4,500 лѣса, — лѣса, покрывающаго большую часть неприступныхъ горъ. Полезной же для хозяйства, т.-е. пахотной или же луговой, земли только 1,200 десятинъ съ небольшимъ, т.-е. болѣе чѣмъ въ 9 разъ менѣе всей поверхности Резьянской волости. Такимъ образомъ, на одну душу населенія приходится здѣсь ¼ десятины культурной площади, т.-е. пахотной и луговой земли вмѣстѣ. Да и какая же это земля! Скалы, камни, известь, глина, песокъ. О вспахиваніи подобной земли плугомъ или сохою даже рѣчи быть не можетъ. Резьянинъ долженъ воздѣлывать все собственноручно, точно огородъ, съ помощью лопаты и мотыги. Благодаря этой системѣ хлѣбонаше-

ства, онъ доводитъ свою тощую землю до возможнаго *maximum*'а плодородія.

Безотрадную природу Резьянской долины описываетъ незатѣйливо, по выразительно одинъ изъ мѣстныхъ поэтовъ-самородковъ, мой пріятель *Ferdinando Trankon*, по социальному положенію поденщикъ-каменщикъ. Вотъ начало его пѣсни:

Kôj wuna wêrh mi prídowa
ki rawsorót mi vuduwa,
tje tà nu soè polédnowa,
je mákoj skála ano rób.
Tje nátaub dnò mi vuduwa,
je mákoj wóda ano gród.

(Когда взберемся на вершину, на всѣ стороны оглянемся, туда и сюда посмотримъ, передъ нами однѣ только скалы и разсѣлины. Когда внизъ посмотримъ, одна только вода, мелкіе камни и песокъ...).

Такая земля и въ такомъ количествѣ не можетъ прокормить всего населенія долины. Поэтому-то значительная часть этого населенія, на подобіе савоярдовъ и словаковъ, должна искать себѣ заработка въ чужихъ краяхъ, хватаясь за самые разнообразные промыслы и ремесла, начиная съ тряпичника и простого поденщика и кончая оптовымъ торговцемъ фруктами и разными другими товарами.

31 декабря 1881 г. изъ номинальнаго населенія Резьи въ 3,700 (точнѣе—3,703) душъ было налицо только 2,467; отсутствовало, значить, ища заработка въ чужихъ краяхъ, почти 1,300, т.-е. болѣе одной трети всего населенія.

И при всемъ этомъ замѣтите, что нищихъ, лѣтяевъ, паразитовъ почти не найдете между резьянами, хоть сколько-нибудь способными къ труду.

Да и какъ же они трудятся у себя дома, на родинѣ! Все, вѣдь, дѣлаютъ собственными руками, все носятъ на собственной спинѣ! Какъ часто можно видѣть тощую женщину, пробирающуюся по узенькимъ тропинкамъ надъ обрывомъ съ громадною корзиной на спинѣ, наполненною сѣномъ въ 120—150 фунтовъ! И, чтобы не терять времени, бѣдная труженица вяжетъ еще чулокъ по пути!

Но что это въ самомъ дѣлѣ за люди? Настоящіе герои труда! Смѣло можно сказать, что, въ отношеніи предприимчивости, выносливости, энергии, силы характера, самообладанія, бережливости, резьяне занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду всѣхъ славянскихъ племенъ.

Несмотря на всѣ лишения, являющіяся необходимымъ послѣдствіемъ естественныхъ условій Резьянской долины, резьяне страстно любятъ свою родину. Странствуя по разнымъ чужимъ землямъ за заработкомъ, они хоть разъ въ годъ, а если это невозможно, то хоть одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ должны заглянуть домой, посмотрѣть на свою стремительную Резью или Бѣлую Воду, полюбоваться своимъ вѣчноснѣжнымъ Тяныномъ *) и

*) *Tjanyn, Monte Canino.*

его величавыми братьями Сартомъ, Индринцей, Килою, Вардою, Бабомъ и др., послушать родныя пѣсни, поплясать подъ звуки родной скрипки и затѣмъ... опять вернуться на чужбину, чтобы собрать нѣсколько франковъ на пропитаніе семьи и на уплату поистинѣ чудовищныхъ податей и налоговъ.

Одинъ резьянинъ уѣхалъ въ Америку, разбогатѣлъ тамъ, и, все-таки, мечтаетъ постоянно о томъ, чтобы хоть передъ смертью увидѣть еще разъ свою дорогую Резью. Когда сынъ его отправлялся къ нему въ Америку, онъ просилъ его взять съ собою немного земли и воды изъ Резьи.

Вотъ въ такихъ-то углахъ можно изучать зарожденіе и развитіе любви къ родной землѣ,—любви непритворной, никѣмъ не внушаемой,—любви, не разжигаемой ни травлей, ни челоуѣконенавистничествомъ.

Подобнымъ же образомъ, какъ резьяне, хотя вообще не въ столь значительной степени, должны бороться съ неблагоприятною почвой также и другіе славяне сѣверной Италіи.

Этотъ ужасный трудъ, обуславливаемый природою родной земли, былъ бы въ самомъ дѣлѣ невыносимымъ, еслибъ онъ длился безъ перерыва и отдыха. Но зачѣмъ же существуютъ праздники, зачѣмъ церковныя торжества, ярмарки, зачѣмъ масляница? Въ такіе дни можно забыть о будничныхъ заботахъ, можно повеселиться. Въ церкви, во время богослуженія, набожный горецъ ищетъ отдыха и укрѣпленія для души; потребность же размять онѣмѣвшіе отъ непрерывнаго труда члены, потребность забыться и повеселиться находятъ себѣ удовлетвореніе въ пляскѣ и въ пѣніи.

Въ отношеніи народныхъ пѣсенъ и народной пляски славяне сѣверной Италіи представляютъ довольно много разнообразія.

Терскіе славяне или сербо-хорваты дистриктовъ *Gemona* и *Tarcento*, въ которыхъ духовное начальство всегда посылало священниковъ по преимуществу изъ фріулянъ, не понимавшихъ ни слова по-славянски, очень часто презиравшихъ и ненавидѣвшихъ свою паству и вслѣдствіе сего старавшихся уничтожить всѣ проявленія народной веселости,—эти славяне лишены своихъ собственныхъ пѣсенъ и народной пляски.

Не такъ славяне Свято-Петровскаго уѣзда, сохранявшіе всегда извѣстную автономію не только въ административномъ, но и въ церковномъ отношеніи. Они веселятся безбоязненно, поютъ и пляшутъ. Но ни ихъ пѣсни, ни ихъ пляска не представляютъ своеобразнаго, только имъ однимъ свойственнаго явленія. Это лишь продолженіе, съ незначительными видоизмѣненіями, того же самаго, что мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, у зарубезныхъ, австрійскихъ славянъ, съ другой — у фріулянъ.

Родиною своеобразнаго народнаго пѣнія и своеобразной народной пляски является Резья.

Постоянныхъ, уже сложившихся и отъ поколѣнія къ поколѣнію передаваемыхъ народныхъ пѣсенъ тамъ еще нѣтъ. Есть лишь нѣсколько основныхъ мотивовъ или любовнаго содержанія, или шуточныхъ, или же

состоящихъ въ описаніи мѣстной природы, въ особенности же величавыхъ резьянскихъ горъ; но чуть ли не каждый поющій свободно переименовываетъ по своему какъ слова пѣсни, такъ и ея напѣвъ, хотя, впрочемъ, это послѣднее гораздо рѣже. Нѣкоторыя пѣсни такъ и названы по имени ихъ творцовъ, или недавно умершихъ, или даже еще живущихъ въ настоящее время. Подвижная народная пѣсня резьянъ еще не сложилась; она все еще слагается. *Sie ist im Werden begriffen.*

Пляска резьянъ тоже весьма оригинальна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящна. Я не стану ее описывать, а замѣчу только, что резьяне — страстные плясуны и въ состояніи подъ звуки своей однообразной музыки проплясать даже 12 часовъ подрядъ. Глядя на ихъ неугомонность, такъ и вспоминаешь латинское выраженіе *Slavus saltans* (пляшущій рабъ — пляшущій славянинъ) и рассказъ, какъ на заданный римскимъ императоромъ вопросъ о томъ, что они дѣлаютъ дома, славянскіе военнопленные отвѣтили: *мы поемъ*. Но резьяне, какъ мы видѣли, не только поютъ и не только пляшутъ.

Оригинальные резьянскіе напѣвы и плясочные мотивы записаны проживающею теперь въ Дерптѣ г-жею Шульцъ, известной въ музыкальномъ мѣрѣ подъ псевдонимомъ «Адаевскій» (*Ella de Schoultz-Adajewski*). Сборникъ г-жи Шульцъ будетъ, навѣрное, лучшимъ украшеніемъ 1-го тома издаваемыхъ Импер. академіей наукъ *Материаловъ для южно-славянской диалектологии и этнографіи*.

На основаніи историческихъ данныхъ мы имѣемъ право заключать, что славяне сѣверной Италіи никогда не были крѣпостными рабами, никогда не работали для господъ, но всегда только для самихъ себя.

Это отразилось въ ихъ языкѣ. Имъ совершенно чуждо слово *работа*, т.-е. рабскій, подневольный трудъ; они знаютъ только *дѣло* (*dielo, doelo*), дѣло свободное, дѣло свое.

Свободное социальное положеніе не могло остаться безъ вліянія на народный характеръ, на развитіе чувства собственнаго достоинства и глубоко укоренившагося демократизма. Въ особенности въ Резьянской долині мнѣ приходилось постоянно подмѣчать проявленіе этихъ столь привлекательныхъ чертъ народнаго характера.

Что при подобныхъ условіяхъ и умственное развитіе, и готовность жертвовать собою во имя общественнаго блага достигаютъ болѣе высокой степени, нежели при условіяхъ рабства рабовъ и произвола господъ, доказательствомъ служить довольно значительный процентъ безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей, ученыхъ и поэтовъ, вышедшихъ изъ среды этого народа.

Какъ я раньше замѣтилъ, славяне сѣверной Италіи въ политическомъ отношеніи всегда раздѣляли участь своихъ западныхъ сосѣдей и всегда входили въ составъ тѣхъ же государственныхъ цѣлыхъ, что и эти послѣдніе.

Венеціанская республика, завладѣвъ этими славянами въ XV-мъ столѣтіи, утвердила всѣ ихъ привилегіи, надѣлила ихъ новыми, освободила ихъ отъ всѣхъ налоговъ и взаменъ за это требовала только защиты восточной границы государства во время войны и карантина и охраны горныхъ проходовъ отъ вторженія варваровъ (*ob praeservationem gentium barbarorum*). Это требованіе славяне исполняли добросовѣстно и къ обоюдному удовольствію.

По крайней мѣрѣ, у насъ имѣются историческія доказательства, что венеціанское правительство весьма дорожило своими славянами и постоянно подчеркивало ихъ самоуправленіе и независимость.

Указомъ венеціанскаго дожа отъ 1658 г. жители славянскихъ долинъ объявляются отдѣленными „*non solo dal territorio stesso di Cividale, ma dalla Patria ancora*“ (не только отъ Чивидальскаго округа, но даже отъ всего отечества, отъ всего государства).

Постановленіемъ сената республики отъ 1788 г. подтверждается, что *la Schiavonia*, „*come una nazione diversa e separata dal Friuli*“ (какъ народъ отличный и отдѣльный отъ фриулянъ), управляла всегда сама собою.

Послѣ упраздненія мѣстной автономіи еще при Наполеонѣ I и, затѣмъ, послѣ присоединенія всего Ломбардо-Венеціанскаго королевства къ Австрійской имперіи, почти все интеллигентное, мыслящее и политически чувствующее въ средѣ сѣверно-итальянскихъ славянъ было увлечено итальянскимъ патриотизмомъ и поставляло бойцовъ за свободу Италіи. Пылкіе юноши оставляли свою родину, бѣжали въ Пьемонтъ и тамъ поступали на военную службу. Другіе увеличивали собою число гарибальдійскихъ волонтеровъ.

Въ 1848 г. въ славянскихъ долинахъ сѣверной Италіи раздавалась патриотическая пѣсня:

Predraga Italija,
Preljubi moj dom,
Do zadnje moje ure
Jest ljubu te bom.

Si u kjetnah živiela,
Objokana vsa,
Na dikla špotljiva
Do zdaj si bila.

Raztargi te kjetne,
Obriši suzò,
Gor uzdizgni bandiero
Trah farbilih lepò.

(Дорогая Италія, милое мое отечество, я буду тебя любить до послѣдняго издыханія.

Ты жила въ цѣняхъ, вся заплаканная, опозоренною рабой ты до сихъ поръ была.

Разорви цѣпи, оботри слезы, разверни прекрасное трехцвѣтное знамя!).

Въ томъ же 1848 г. національная гвардія Свято-Петровскаго дистрикта

уже готовилась оказать вооруженное сопротивление наступающим австрийским войскам, как вдруг получился от революционного правительства в Удине приказ сдаться, избегая ненужного кровопролития.

Наконец, цель была достигнута, мечты умеренных итальянских патриотов осуществились. В 1866 г. Австрия отказалась от последней своей провинции на Апеннинском полуострове. Венецианское королевство было отдано Наполеону III.

Настал день плебисцита. И вот все эти горцы, за исключением одного, опустили в урну торжественное заявление:

«Dichiaro la nostra unione al Regno d'Italia sotto il governo monarchico-costituzionale del Re Vittorio Emanuele II e dei suoi successori».

(Желаем присоединиться к королевству Италии под монархически-конституционным правительством короля Виктора-Эмануила II и его преемников).

Казалось бы, чего же лучше? Мечты патриотов осуществлены. Хотя, может быть, это произошло не так эффектно, как ожидали, все же так Италия была освобождена от чужеземного ига. Так и зажить бы во славу, наслаждаясь объединенным отечеством. Но не тут-то было. После патриотической масляницы настал великий постъ отрезвления, разочарования и раскаяния.

Во-первых, и сами-то патриоты, по крайней мере, самые пылкие и задорные патриоты, не были вовсе удовлетворены. *L'appetit vient en mangant*. Апеннинским полуостровом они не удовлетворялись. Все тот край, где в употреблении итальянский язык, должны входить в состав Итальянского государства, — вот лозунг Ирреденты (*Irredenta*). В этом духе обучается географии вся итальянская молодежь; в этом же духе составлен избирательный закон Итальянского королевства.

Избирателями в Италии могут быть не только итальянские подданные, но также *i cittadini italiani per la nazionalità, ma non appartenenti allo stato italiano* (итальянские граждане по национальности, но не принадлежащие к Итальянскому государству).

Это выражение закона, высказывающее всю безперемонность наступательного патриотизма, объясняется еще таким образом, что избирательным правом могут пользоваться в Италии граждане других государств *nelle tutte le provincie per rivendicarle* (во всех провинциях, которые современем должны быть воссоединены с Италией), а таковыми являются: Триест, Тироль, Корсика, Ницца, Савойя, швейцарский кантон Тичино. Республика Сань-Марино великодушно пощажена.

Но скромным славянам северной Италии нет никакого дела ни до Ирреденты, ни до задорных притязаний итальянцев. На почве тяжелого труда и борьбы с неблагоприятными природными условиями плохо удаются такие растения, как политический шовинизм, посягающий на чужую собственность. Причины неудовольствия северно-итальянских славян гораздо проще, гораздо реальнее.

Прежде всего, они очутились на самой окраине одного из самых протекционистских государств и попали в лапы жестокой пограничной стражи. Бывали случаи, когда из-за фунта соли или табаку, купленного в Австрии и переносимого тайком через границу, жители славянских деревень лишались жизни от пули таможенного стражника. После этого озлобление и ненависть не заставили себя долго дожидаться.

Затем, наши славяне, вслед за присоединением их к Италии, оказались в когтях самой ужасной податной системы, высасывающей по возможности все соки из населения. За свою преданность Италии они были награждены значительным увеличением всех прямых и косвенных налогов.

Чтобы дать представление о размерах, до которых доходит податная норма в Италии, замечу, что, например, в Реве с установленной таксацией дохода с земли обыватель платит от 48 до 72%. Цифра в самом деле ужасающая.

При всем скудородии ревянской почвы, Ревьянская волость платит в пользу казны, в пользу провинции и в пользу общинного управления прямых налогов (т.-е. подоходного в 13 1/4%, поземельного, пожилищного, подымного, за право торговли) около 19 1/2 тысяч франков в год, значить, средним числом, почти по 5 франков с каждого номинального жителя, почти по 8 франков с каждого наличного жителя и больше чем по 16 франков или по 4 рубля золотом с каждой десятины земли.

К этому прибавим крупные акцизные пошлины с вина, с сахара, с кофе, с табаку, от убоя, прежде также с соли, от измола, налоги на каждую штуку скота и домашних животных... да и наберется изрядная дань, которую приходится платить за удовольствие быть свободным гражданином объединенной Италии (мимоходом замечу, что, несмотря на высокий размер налогов, недоимки там незначительны. В Реве, например, их было в 1890 г. только 394 франка 19 сантимов, т.-е. неполных 100 рублей золотом).

Затем, мы видели, что Венецианская республика уважала национальную независимость своих словян и приучила их к самоуправлению. Остатки этого самоуправления продержались и под австрийским владычеством. Вдруг, с присоединением к Италии, наступило время безусловной централизации и стремления стирать с лица земли свойственные отдельным краям и провинциям характерные черты быта и культуры.

В особенности не могло не коробить итальянских славян то обстоятельство, что новое правительство, на которое они возлагали свои надежды, стало еще усерднее, чем австрийское, присылать им чиновников, даже волостных писарей, отнесшихся к ним с презрением и не понимающих вовсе их языка.

Не могло также понравиться, что учрежденная новым, итальянским правительством в 1866 г. национальная гвардия, просуществовавшая всего два года, была в 1868 г. упразднена и, привыкшие носить оружие, гражд-

дане обезоружены. Впрочемъ, объ этомъ теперь нието, кажется, уже не сожалѣть.

Централизованное стремленіе итальянскаго правительства проявилось также и по отношенію къ школьному дѣлу.

Правда, въ 1866 г., сейчасъ послѣ присоединенія нашихъ славянъ въ Италиі, итальянское правительство, въ порывѣ ли безкорыстнаго либерализма, или же въ благодарность за столь блестящій плебисцитъ, спросило свято-петровскихъ славянъ и резьянъ, не желаютъ ли они школы на своемъ языкѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, неизвѣстно, въ порывѣ ли итальянскаго патриотизма, или же по какимъ-нибудь практическимъ соображеніямъ. Теперь раздаются голоса, что виновниками этого рѣшенія были сервилитическіе волостные чиновники, пожелавшіе польстить новому начальству и отвѣтившіе на вопросъ, не спрашивая мнѣнія самого народа. *Такъ погубили нашъ языкъ*, — жалуются мѣстные патриоты.

Какъ разъ въ то время, когда итальянскіе славяне стали подвергаться, съ одной стороны, экономическому гнету, съ другой же — централистическимъ и денационализационнымъ затѣямъ, у ихъ ближайшихъ славянскихъ сосѣдей, у словенцевъ Австріи, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Правда, и австрійскіе словенцы должны были платить большія подати и пошлыны, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ въ Италиі. За то они получили мѣстное самоуправленіе и народный языкъ въ школахъ и администраціи.

Конечно, австрійское правительство сдѣлало это не ради безкорыстнаго служенія идеѣ равноправности и справедливости. Никакихъ безкорыстій въ практической политикѣ, къ сожалѣнію, пока не полагается. Австрійское правительство поступило такъ потому, что оно не могло поступить иначе. Но фактъ остался фактомъ, и онъ не могъ не привлечь къ себѣ вниманія итальянскихъ славянъ.

Сравненіе напрашивалось само собою: «У тѣхъ, — думали славяне, — противъ кого мы боролись, славянамъ лучше. Тѣ же, за кого мы боролись, стараются уничтожить нашу народность. И это имъ тѣмъ легче можетъ удасться, что мы теперь отдѣлены политически отъ нашихъ соплеменниковъ, съ которыми подъ Австріей жили вмѣстѣ».

И какъ тутъ было не зародиться въ сѣверно-итальянскихъ славянахъ славянскому, даже панславистическому чувству съ противуправительственнымъ оттѣнкомъ? Мнѣ доводилось очень часто слышать заявленія и жалобы въ этомъ именно духѣ. Одни говорятъ: «Всѣ славяне должны бы быть вмѣстѣ; вѣдь, это была бы непобѣдимая держава, первая держава въ мірѣ. Россія должна бы насъ всѣхъ объединить». По мнѣнію другихъ, болѣе скромныхъ политиковъ, «еслибъ не было Австріи, не только итальянскіе славяне, но половина Италиі не могла бы существовать. Въ Австріи нашъ главный заработокъ; Австрія насъ содержитъ. Подъ Австріей намъ было гораздо лучше; и теперь было бы лучше».

Одна изъ мѣстныхъ учительницъ, сама же славянка, жаловалась передо мною на то, что, согласно официальному предписанію, должна учить, что

la patria è là, dove si parla la stessa lingua (отечество есть пространство земли, на которомъ употребляется одинъ и тотъ же языкъ). (Конечно, это выгодное для Италиі опредѣленіе обязано своимъ происхожденіемъ ирредентистамъ и итальянссимамъ). «Между тѣмъ, вѣдь, это ложь, — прибавила она, — какая же здѣсь *la stessa lingua* (тотъ же языкъ)? Развѣ у насъ тотъ же языкъ, что у итальянцевъ?»

Мѣстные правительственные органы своею безтактностью еще усиливали зарождающееся въ славянахъ неудовольствіе. Всякаго интеллигентнаго славянина, не отрекающагося отъ своей національности, принимающаго участіе въ литературномъ движеніи австрійскихъ славянъ и интересующагося вообще другими славянами, они стали подозрѣвать въ «панславизмъ», что, въ случаѣ, если данное лицо состояло на государственной службѣ, могло имѣть вредныя послѣдствія для его карьеры.

Всѣ вышеизложенныя обстоятельства, какъ фискальный гнетъ, такъ и преслѣдованіе славянской національности, не могли не вызвать въ итальянскихъ славянахъ сильнаго неудовольствія существующимъ порядкомъ. Впрочемъ, съ преслѣдованіемъ національности народъ, пожалуй, еще бы помирился, но подтачиванія казною его матеріальнаго благосостоянія онъ простить не можетъ. Еслибъ условія матеріальной жизни были хоть сколько-нибудь сносны, еслибъ не было нестерпимаго экономическаго гнета, никакіе «измы», и въ этомъ числѣ мнимый «панславизмъ», не тревожили бы славянской окраины Италиі.

Неудовольствіе итальянскихъ славянъ итальянскими централизационными затѣями нашло еще въ 1871 г. выраженіе въ стихотвореніи, принадлежащемъ перу одного изъ мѣстныхъ поэтовъ и озаглавленномъ:

Slovenija ino njena hčerka na Beneškem (Словенія или Славія и ея дочка въ Венеціанской области).

Мать Словенія спрашиваетъ свою дочь:

Kaj jočeš se ti, krasotica?
Kaj v klavernih mislih živiš?
Si tudi ti moja hčerica,
Mi vedno pri sercu stojiš

Glej! tvoje sestrice na Dravi,
Na Soči, na Savi si že
Pripravljajo lovor, da v slavi
Veselo vse ovenčajo me.

(Зачѣмъ плачешь ты, красавица? Зачѣмъ погружена ты въ печальныя думы? Вѣдь, ты тоже моя дочка, постоянно сердцу моему милая.

Посмотри! твои сестры на Дравѣ, на Сочѣ, на Савѣ уже готовятъ лавровый вѣнецъ, чтобы всѣ вмѣстѣ въ торжественномъ веселіи увѣнчать меня).

На это несчастная отвѣчаетъ:

Ah! mamica draga in mila!
Okove in žulje poglej,

Ki nosim in bom jih nosila
Jaz v svojem domoviji vselej.

Jaz nisem ne v uradu, ne v soli,
Da ravno tu od vekov živim;
Ko tujka beračim okoli,
Le v Cerkvi zavetje dobim.

Ne pòznam veselja, radósti,
Le solza mi solzo podi
Po bledem obličju, do kosti
Me laška pijalka mori.

K'dar dajo lovorske vezila
Ti hčerke v preslavni spomin,
Jaz bom milotinke glasila
Pod verbo, potem pa... *pogin!*

In, mamka, na mojo gomilo,
Te prosim, položi na njo
Cipresovo tužno vezilo,
In kani iz očesa solzò!!

(Ахъ! матушка моя, милая и дорогая! Посмотри на мои оковы и мозоли на моихъ рукахъ: я ношу ихъ и всегда буду носить въ своемъ же собственномъ домѣ.

Меня не пускаютъ ни въ присутствіе, ни въ школу, хотя я здѣсь испоконъ вѣка живу; точно чужая, я должна просить повсюду милостыни; только въ церкви нахожу пристанище.

Я не знаю ни веселья, ни радости, слеза за слезою катится по моему блѣдному лицу, до костей гложетъ меня итальянская пивка.

Когда другія дочери поднесутъ тебѣ торжественно лавровый вѣнецъ на память, я подъ плачущею ивой буду провозглашать жалобную пѣснь, и потомъ... погибель!

Матушка! прошу тебя, на мою могилу положи траурный кипарисовый вѣнокъ и заплачь надо мною).

Но мать Словенія не раздѣляетъ этихъ мрачныхъ думъ своей любимой дочери; она ее утѣшаетъ и ободряетъ:

Ne misli tak', hčerka slovenska,
Ne obupaj na lastni prihod:
Naj pride še sila peklena,
Ne uniči slovenski zarod!

(Не думай такъ, дочка Словенія, не отчаивайся въ собственной будущности: пусть придетъ даже адская сила, она не уничтожитъ славянскихъ ростковъ!).

Конечно, итальянскому правительству нечего опасаться подобныхъ протестовъ, выходящихъ отъ времени до времени изъ среды тридцати-тысячнаго народа. О какомъ-нибудь серьезномъ сопротивленіи даже рѣчи быть не можетъ. Но, вѣдь, не всѣ довольствуются однимъ только пассивнымъ

повиновеніемъ подвластнаго народа. Не всѣ могутъ усвоить себѣ точку зрѣнія итальянскихъ чиновниковъ-карьеристовъ. И вотъ въ средѣ самой же итальянской интеллигенціи стали съ нѣкотораго времени подниматься голоса въ пользу признанія національныхъ правъ славянъ сѣверной Италіи. Люди, не лишеныя чувства справедливости, требуютъ политической равноправности для народа, который, правда, входитъ въ составъ Итальянскаго королевства, но который никогда не былъ и не хочетъ быть итальянскимъ.

Однимъ изъ первыхъ бойцовъ за проведеніе началъ справедливости по отношенію къ сѣверно-итальянскимъ славянамъ является чивидальскій адвокатъ Карль Подрѣка (Carlo Podgessa), отецъ котораго былъ, правда, еще славяниномъ, но который самъ считаетъ себя итальянцемъ и даже вовсе не владѣетъ славянскимъ языкомъ.

Усилія Подрѣки и его единомышленниковъ не остались безъ послѣдствій. Сами же мѣстные итальянцы требуютъ введенія сербскаго языка въ число предметовъ преподаванія въ удинской гимназіи. Нѣкоторые изъ итальянцевъ стали усердно изучать языки словенскій и сербо-хорватскій. Никому изъ интеллигентныхъ славянъ не нужно уже скрывать своей національности и бояться быть заподозреннымъ въ «панславизмъ».

Въ городскомъ музеѣ въ Чивидале намѣреваются учредить особый славянскій отдѣлъ.

Наконецъ, въ 1899 г. предполагается въ Чивидале съѣздъ въ память 1100 лѣтней годовщины смерти Павла Діакона (Paulus Diaconus), гдѣ, между прочимъ, будетъ поднятъ вопросъ о необходимости признать національныя права фриульскихъ славянъ.

Gli Italiani non dimenticheranno, che i loro Slavi hanno diritti etnografici, ferma l'integrità dello stato (Итальянцы не забудутъ, что ихъ славяне имѣютъ этнографическія права, подъ условіемъ, конечно, неприкосновенности государства).

Этимъ благороднымъ мечтателямъ хочется, чтобы итальянскіе славяне теперь, какъ и прежде, чувствовали себя итальянцами въ политическомъ отношеніи, но съ сохраненіемъ своихъ этнографическихъ особенностей и даже своихъ славянскихъ симпатій.

Все это явленія весьма отрадныя, хотя бы по одному тому, что въ нихъ сказывается столь рѣдкое вообще и столь возвышенное чувство справедливости и желаніе не нарушать заповѣди: *не убивай!*

Будутъ ли въ состояніи именно эти благородныя стремленія итальянскихъ патриотовъ противодействовать постепенной денационализациі итальянскихъ славянъ, это другой вопросъ. Я скорѣе склоненъ думать, что славяне сѣверной Италіи долго еще сохранять свой языкъ и свои этнографическія особенности по другимъ причинамъ. Непосредственное сосѣдство и постоянныя сношенія съ славянами въ Австріи, необыкновенныя способности къ изученію и свободному владѣнію нѣсколькими языками, извѣстнаго рода національная гордость, не позволяющая мѣнять народный языкъ точно

вышедшее изъ моды платье,—вотъ факторы, которые, вѣроятно, еще долгое время не позволятъ итальянскимъ славянамъ сдѣлаться фурланами.

Если же этимъ славянамъ суждено въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ забыть свой славянскій языкъ и окончательно обитальяниться, то это явится не какъ слѣдствіе усилій усердствующихъ разрушителей и истребителей, оправдывающихъ свою жалкую дѣятельность высшими соображеніями и необходимостью искоренять въ сердцахъ окраиннаго славянскаго населенія опасный для государственнаго единства «панславизмъ», но какъ результатъ естественнаго процесса медленной, спокойной, не насильственной, постепенно совершающейся этнографической ассимиляціи.

И. Бодуэнъ-де-Куртензъ.

Для желающихъ подробнѣе ознакомиться со славянами въ Италіи и съ ихъ языкомъ привожу здѣсь въ заключеніе библиографію, касающуюся этого предмета.

1. О славянахъ въ Италіи вообще.

J. Baudouin de Courtenay: „O Słowianach we Włoszech“ (въ сборникѣ *Ognisko, księżka zbiorowa, wydana dla uczczenia 25 letniej pracy T. T. Jeża*. 1882. Warszawa, стр. 325—344).

Эта статья была переведена на чешскій языкъ и напечатана въ журналѣ *Slovansky Sbornik*. Red. Edvard Jelínek, v Praze, за 1884 г.

2. О славянахъ въ южной Италіи.

Dr. J. Aranza: „Woher die südslavischen Colonien in Süditalien?“ (Archiv für slavische Philologie herausg. von Jagić. Berlin. XIV. 1891, стр. 78—82).

G. I. Ascoli: „Saggi ed appunti“ (*Politecnico*. Milano, Marzo 1867). *Ausland* 1857, № 35.

Domenico Comparetti: „Intorno agli Slavi del Napoletano. Notizie comunicate dal prof. Ascoli“ (*Rivista Italiana*. Torino, 13 Aprile 1863, № 134; 25 Maggio 1863, № 140).

Giovanni de Rubertis: „Delle colonie Slave nel regno di Napoli“ (Osservatore Dalmato. Zara, 1856).

J. Hanusz: „Südslavische Sprachproben aus Süd-Italien“ (Archiv für slavische Philologie her. von Jagić. X. 1887, стр. 362—364).

Kovačić: „Gli Slavi serbi dell'Italia“. Fasc. 1. Ancona, 1884.

Giovenale Vegeszi-Ruscilla: „Le colonie serbo-dalmate del circondario di Larino provincia di Molise. Studio etnografico“. Torino, 1864.

Викентій Макушевъ: „О славянахъ Молискаго графства въ южной Италіи“ (*Записки Императ. Академіи Наукъ*. Спб., XVIII, 1870).

3. О славянахъ въ сѣверной Италіи вообще.

G. I. Ascoli: „Studj critici“. I. Gorizia, 1861, стр. 46—49.

B. Biondelli: „Studii linguistici“. Milano, 1856, стр. 54—56.

Stjepan Kocijančić: „Od Benečanskih Slovincov“ („Odgovori na vprašanja društva za jugoslavensko povestnico“ въ сборникѣ *Arhiv za povjestnicu jugoslavensku*. Knjiga III. Uredio Ivan Kukuljević Sakcinski. U Zagrebu, 1854, стр. 306—309).

И. И. Срезневскій: „Фриульскіе славяне. Статьи и приложенія“. Спб., 1878 (= Приложение къ XXXVIII-му тому *Записокъ Им. Академіи Наукъ*, № 4. Спб., 1881).

П. И. Шафарикъ: „О резьянахъ и фурланскихъ словинахъ“ (*Денница*, литературная газета, посвященная славянскимъ предметамъ и издаваемая Петромъ Дубровскимъ. Ч. I. Варшава, 1842, стр. 109—113).

4. О резьянахъ.

Joseph Bergmann: „Das Thal Resia und die Resianer in Friaul“ (Приложеніе къ разсужденію „Historische Untersuchungen über die sogenannten Cimbern in dem Sette-Comuni“, помѣщенному въ *Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst*, № CXXI, стр. 46—50, составляющемъ, съ своей стороны, приложеніе къ *Jahrbücher der Literatur*. 121 Band. 1848. Januar, Februar, März. Wien).

J. Bergmann: „Das slavische Resia-Thal“ (какъ часть разсужденія „Topographie der VII und XIII Comuni in den venetianischen Alpen, nebst zwei Kärtchen“ въ *Archiv für Kunde österreichischen Geschichts-Quellen*. Herausg. von der zur Pflege vaterländischer Geschichte aufgestellten Commission der Kais. Akademie der Wiss. III. Band или 2-er Jahrgang. 1849. II Band. Wien, 1849, стр. 253—256).

Stef. Kocijančić: „Rezija in Rezijani“ (въ „Cvetnik, berilo za slovensko mladino vredil A. Janežič“. Drugi del. V Celovcu, 1867, стр. 66, и въ „Slovenisches Sprach- und Uebungsbuch für Anfänger zum Schul- und Privatunterricht“. Von A. Janežič. 8 Aufl. Laibach, 1872, стр. 237—238).

Barth. Kopitar: „Die Slaven im Thale Resia“ („Vaterländische Blätter für den österreichischen Kaiserstaat“. Jahrg. IX. 1816, стр. 176—180. = „Barth. Kopitar's Kleinere Schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechtshistorischen Inhalts“. Herausg. von Fr. Miklosich. I. Theil. Wien, 1857, стр. 323—330). Это снабженный примѣчаніями Копитара переводъ французскихъ замѣтокъ польскаго путешественника и этнографа конца прошлаго столѣтія, графа Яна Потоцкаго (Jan Potocki). Подлинная рукопись графа Потоцкаго хранилась и, вѣроятно, и теперь хранится въ бібліотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ.

A. Pišely: „Ueber die Slawen im Thale Resia“ (Dobrowsky's Slavin. Botschaft aus Böhmen an alle Slawischen Völker oder Beiträge etc. Zweite Auflage. Von Wenceslaw Hanka. Prag, 1834, стр. 118—124).

(*Viviani*.) „Gli Ospiti di Resia“. Romanzetto. Udine, 1827.

Stanko Vraz: „Dopis prijateljski iz Mletackoga“ (*Danica Hirska*, 1841, № 29).

И. Бодуэнъ-де-Куртензъ: „Резья и резьяне“ („Славянскій Сборникъ“, томъ III, изд. подъ наблюденіемъ П. А. Гильдебрандта. Спб., 1876, стр. 223—371).

5. О резьянскихъ говорахъ.

И. Бодуэнъ-де-Куртензъ: 1) „Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ“. Варшава. Спб. 1875. 2) „Резьянскій катахизисъ“, какъ приложеніе въ „Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ“. Варшава. Спб. 1875.

И. Бодуэнъ-де-Куртензъ: „Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. I. Кое-что по поводу резьянской гармоніи (совзвучія) гласныхъ“ (*Филологическія Записки*, А. Хованскаго. Воронежъ, 1876, вып. V, стр. 1—16).

J. Baudouin de Courtenay: „Note glottologique intorno alle lingue slave e questioni di morfologia e fonologia aricoeuropea“ (Atti del IV Congresso internazionale degli orientalisti tenuto in Firenze nel settembre 1878. Vol. II. Firenze, 1881, стр. 3—21).

B. P. Hasdeu: „Baudouin de Courtenay si dialectul slavo-turanic din Italia. Cum s'at introdus slavismele in limba română?“ (Columna lui Traian. Revista mensuala pentru istoria, linguistica si psihologia poporana. Director B. P. Hasdeu. Anul VII. Bucuresci. 1876, стр. 448—463).

P. S. Valente: „Sul linguaggio slavo della Valle di Resia in Friuli“ (*Giornale di Udine*, 1868, № 293). Эта статья перепечатана мною въ *Фриульскіе славянахъ* П. И. Срезневскаго (см. выше).

6. Изданія резьянскихъ текстовъ, памятниконъ и народныхъ напѣвовъ.

J. Baudouin de Courtenay: „Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. Herausg. von der Kais. Akademie des Wissenschaften. I“. Petersburg, 1893.

J. Baudouin de Courtenay: „Il Catechismo Resiano“ (*Ta dūtrynā Kristjānska*) Estr. dal 1-mo vol. dei *Materialien*. Pietroburgo, 1891.

Stabat mater (*Novice*, Ljubljana, 1862, № 24, стр. 197).

Ella de Schoultz-Adaiewski: „Chansons et airs de danse populaires, précédés de textes, recueillis dans la vallée de Résia. Tiré à part du 1-er vol. des *Materialien*... von J. Baudouin de Courtenay“. St.-Pétersbourg, 1891.

7. О другихъ славянахъ сѣверной Италиі, въ особенности же о недижцахъ или св.-петровцахъ.

Avv. Carlo Podrecca: „Slavia Italiana“. Cividale, 1884.

Avv. Carlo Podrecca: „Slavia Italiana, polemica“. Cividale, 1885.

Avv. Carlo Podrecca: „Slavia Italiana. Le vicinie“. Cividale, 1887.

8. О языкѣ Недиждцевъ или Св.-Петровцевъ.

A. Klodić: „O poređji Beneških (Benecānskih) Slovencev“ (Напечатано во *Фриульскихъ славянахъ* И. И. Срезневскаго. См. выше).

G. A. Podrecca: „Osservazioni circa la lingua slava parlata sulle Alpi del Friuli“. Udine, 1864.

9. Изданія и описанія памятниковъ языка славянъ сѣверной Италиі, за исключеніемъ резьянъ.

V. Oblak: „Das älteste datirte slovenische Sprachdenkmal“ (*Archiv für slavische Philologie*, her. von V. Jagić. XIV. Berlin, 1891, стр. 192—235).

D. Ivan Trinko, D. Jožef Jusić: „Listina iz l. 1170—1190“. V Vdinu, 1890.